

ОЧЕРКЪ III.

БЫТІЕ СЕЛЬСКАГО НАСЕЛЕНІЯ ВЕЛИКОРУССКАГО ПЛЕМЕНИ ВНУТРЕННИХЪ ГУБЕРНІЙ.

Жизнище, утварь, одежда и пища крестьянъ.—Нравы и обычаи сельскаго населенія.—День у крестьянина.—Большіе праздники.—Свадебные обычаи.—Нищія.

*Мнѣ знакомы эти вольныя поля,
Гдѣ мой взоръ теряется въ просторѣ,
Гдѣ вдали, синія точно море,
Съ небожь чуднымъ вся сливается земля...
Знакома мнѣ и ты, рабочая пора,
И ты, народъ, надъ живою собенный...
Пусть Богъ благословитъ твой трудъ
священный,
Пусть не страшитъ тебя полдневная жара.*
ЖУВИНЪ (и. ЗАХАРЪВЪ).

ОЩНАЯ черноземная сила!—воскликаетъ иногда невольно прохожій, при видѣ роскошныхъ колосьевъ, покрывающихъ собою черноземныя пространства центральныхъ губерній. Эта неизсякаемая сила, составляя одну изъ присущихъ Россіи особенностей, одно изъ многочисленныхъ естественныхъ ея богатствъ, занимаетъ собою до девяноста милліоновъ десятинъ, или около 20% всего пространства Европейской Россіи.

Обладая такою, богатою почвою какъ черноземъ, населеніе черноземной полосы въ центральныхъ губерніяхъ съ давнихъ временъ главнѣйше занималось обработкою земли и разведеніемъ хлѣбовъ. До распашки новороссійскихъ степей, заволжскихъ, самарскихъ и саратовскихъ новинъ, центральная черноземная сила была житницею Россіи, откуда доставлялись жизненные принасы въ города нашего тогдашняго государства. И донынѣ земледѣліе составляетъ коренной промыселъ крестьянскаго населенія Тульской, Орловской, Курской, Тамбовской, Воронежской, отчасти Рязанской и Калужской губерній. Но такъ какъ и среди главныхъ черноземныхъ губерній попадаются мѣстности или не надѣленные чернозе-

момъ, или такимъ, составъ котораго удаляется отъ тоничнаго, тучнаго, то въ селеніяхъ подобной полосы необходимо дополнять свой заработокъ другими промыслами, мѣстными и отхожими. Наружный видъ деревень и селъ безъ всякихъ объясненій, а также видъ избы въ каждомъ населенномъ пунктѣ служатъ уже указаніемъ на довольство или на бѣдность обитателей этихъ жилыхъ помѣщеній. Трудъ и трезвость создаютъ въ крестьянскомъ быту зажиточныхъ хозяевъ, у которыхъ и лошади есть, и коровы съ овцами и свиньями водятся, и хлѣба хватаетъ своего отъ одного урожая до другого. Въ такомъ домѣ и семья ходитъ не въ лохмотьяхъ. Отецъ, продавъ произведенія своего труда въ городѣ, возвращается домой съ подарками своимъ дѣтямъ. А для него находится къ услугамъ самоваръ, въ настоящее время непремѣнная принадлежность всякаго зажиточнаго крестьянскаго дома въ черноземной полосѣ.

Раздѣлъ семьи, неурожай, а чаще всего пьянство ведутъ за собою обѣдненіе, разореніе

Проводы новобранца.

и нищегу. Покривившаяся изба, развалившійся заборъ или плетень, окна, забитыя трепьемъ вмѣсто разбитыхъ стеколъ, пустой скотный дворъ, кляча въ хлѣву, если только хозяинъ такой избы не сдѣлался уже вовсе безъ лошадушекъ, пустые закромы, пьяный отецъ на лавкѣ, успѣвшій разбить и безъ того ничтожную домашнюю утварь, жена съ груднымъ ребенкомъ въ лохмотьяхъ и сынъ, выглядывающій со смѣхомъ изъ-за печки на проделки отца — вотъ картина изъ крестьянскаго быта, противоположная предыдущей.

Общій видъ крестьянскихъ великорусскихъ построекъ удерживается всюду. Только въ большихъ, богатыхъ селахъ онѣ получаютъ большіе размѣры и болѣе разукрашены по лицевому фасаду. Въ Тульской губерніи крестьянскія семьи имѣютъ по большей части по двѣ избы, или обѣ деревянныя (дубовыя), или одну изъ кирпича (иногда изъ дикаго камня), а другую изъ дерева. Если въ семьѣ имѣется каменная изба, то въ ней крестьяне живутъ только лѣтомъ, а на зиму переходятъ въ деревянную, потому что даже при небольшихъ морозахъ

стѣны каменной избы сильно прозябаютъ и въ ней бываетъ очень угарно. Всѣ избы наружнымъ своимъ фасадомъ выходятъ на улицу, въ линію, но между каждыми двумя дворами по большей части остается промежутокъ не менѣе восьми сажень. Наружное строеніе каж-

Возвращеніе отца изъ города. — Картина А. И. Кораукина.

даго отдѣльнаго дома занимаетъ около десяти сажень, на которомъ пространство сгваются двѣ избы въ восемнадцать аршинъ, а между ними стѣны въ семь или восемь аршинъ. Остальное пространство отходить подъ въѣздъ на дворъ. Внутреннее украшеніе избы составляютъ два красныя окна на улицу и одно волоковое (маленькое) на дворъ, нѣсколько полокъ и лавокъ. Каждая изба внутри раздѣляется на двѣ половины, изъ которыхъ обращенная къ улицѣ

бываетъ съ землянымъ поломъ. Въ переднемъ углу этой части избы, на небольшой полкѣ ставятся иконы. Отъ самой двери располагаются лавки, на три четверти отъ пола и продолжаются до самой печи. Въ другой половинѣ избы, обращенной на дворъ, находится печь и имѣется деревянный полъ, выше земляного на двѣ четверти. На деревянномъ полу также устанавливаются лавки отъ двери до печи. Половина избы, обращенная на дворъ, исключительно занимается дѣтьми, а въ зимнее время и женщинами, особенно послѣ родовъ, потому что въ этой части жилища бываетъ гораздо теплѣе, чѣмъ въ остальной. Надворное строеніе крестьянскаго двора занимаетъ въ длину отъ пятнадцати до двадцати сажень. Это пространство раздѣляется на двѣ половины, и въ ближайшей къ домовому строенію одна сторона застраивается деревянными клѣтками, которыхъ бываетъ столько, сколько въ семьѣ женатыхъ лицъ. Другая половина раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ хлѣвовъ, въ которые загоняютъ рогатый скотъ, овецъ, свиней; устраивается также конюшня для лошадей. Остальное покры-

Семейный раздѣлъ. Картина В. М. Максимова.

тое пространство служитъ мѣстомъ для сбереженія телѣгъ, саней, сохъ, боронъ, кадокъ и другой домашней утвари. За надворнымъ строеніемъ, въ двадцати саженьяхъ отъ него, вдоль по усадьбѣ, ставится такъ-называемый задворокъ изъ плетня для сѣна и мелкаго корма, съ бревенчатымъ амбаромъ для храненія и ссыпки зернового хлѣба и муки. Затѣмъ, въ отдаленіи пятнадцати или двадцати сажень, овинъ или рига (послѣдняя рѣже) для молотбы хлѣба, который складывается въ снопахъ при концѣ усадьбы и обгораживается плетнемъ или соломеннымъ валомъ.

Въ Воронежской губерніи жилище крестьянина-великорусса состоитъ обыкновенно изъ трехъ главныхъ частей, двухъ не одинаковаго размѣра избъ, соединенныхъ между собою сѣнями, при чемъ въ каждой избѣ имѣется дверь въ сѣни. Большая изба, расположенная главнымъ фасадомъ почти всегда на улицу, предназначается собственно для жилища. Меньшая изба называется „обѣдникомъ“ или „свѣтелкою“. Въ свѣтелкѣ хранится все лучшее достояніе дома; въ теплое время года въ ней спятъ, а также принимаютъ и угощаютъ гостей. Обѣ избы соединяются между собою сѣнями, которыя бываютъ изъ рубленаго дѣса или плетеныя.

Дворъ крестьянскій со всѣхъ сторонъ обносится плетневыми сараями и навѣсами подъ одною общою соломенною крышею; на дворѣ устраивается амбаръ, а у нѣкоторыхъ крестьянъ и ледникъ.

Дворы въ селеніяхъ Воронежской губерніи расположены по большей части на обѣ стороны улицы; главный фасадъ избъ обращенъ обыкновенно на улицу, но въ нѣкоторыхъ великороссійскихъ селеніяхъ избы расположены внутри домовъ, и тогда улица съ обѣихъ сторонъ бываетъ ограничена сплошными заборами, что придаетъ селенію мрачный и унылый видъ.

Въ Калужской губерніи жилища крестьянъ устроены такимъ образомъ, что вдоль передняго фасада двора стелется изба съ сѣнями и чуланомъ, ворота и плетенникъ ея подъ одну соломенную крышу. Среди этихъ построекъ находится квадратный дворъ, три остальные края котораго покрыты такою же соломенною крышею, какъ и изба, такъ что одна общая крыша представляетъ четырехугольникъ, внутри котораго находится открытое пространство. Сверхъ омшеника, внутри двора находится свиная закута и иногда конюшня. За дворомъ располо-

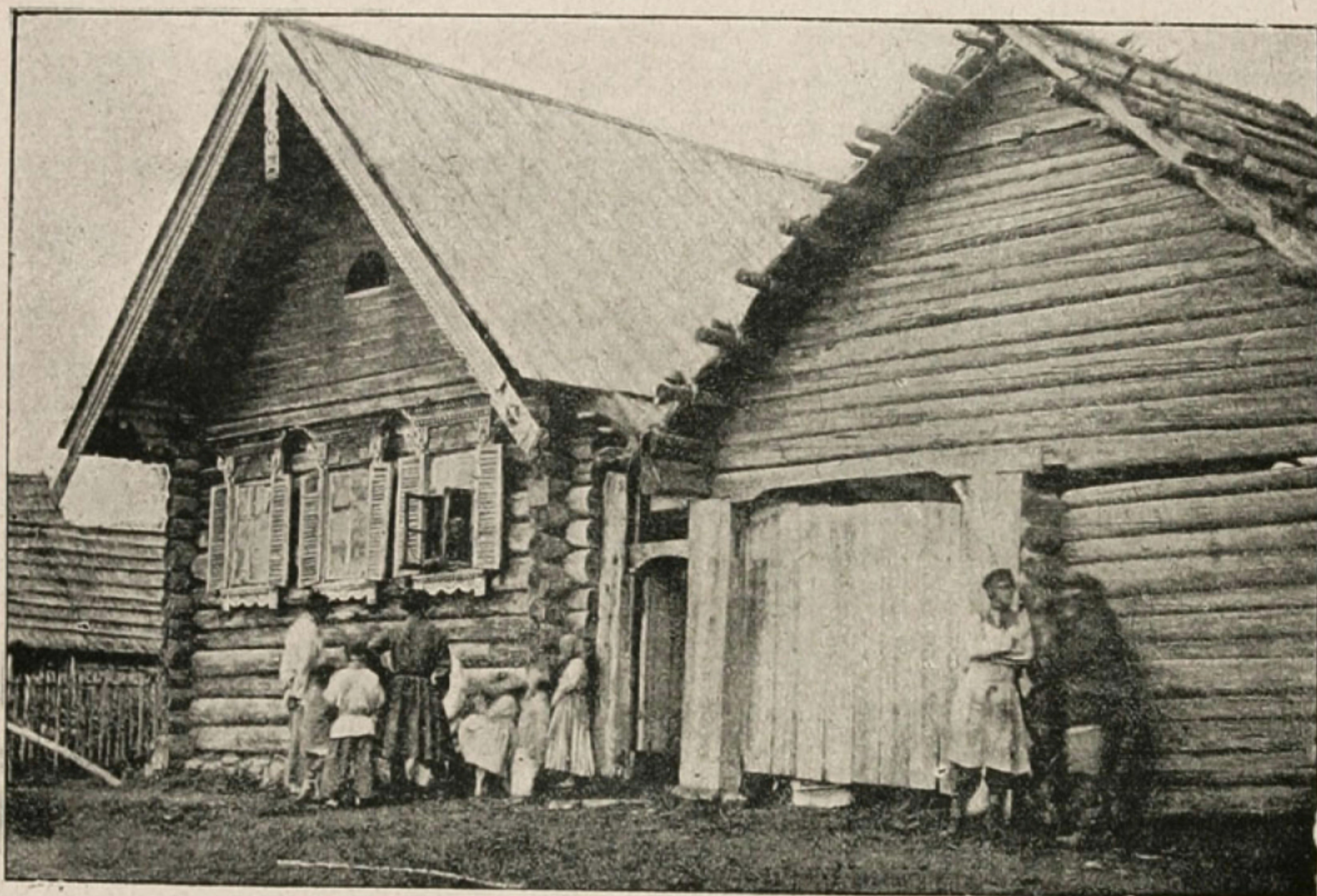

У колодца. (Съ фотографіи Г. Гаррика).

жены садъ, огородъ, конопляникъ и пасѣка; въ этомъ же пространствѣ устраивается сарай для складки сѣна и соломы, погребница и клѣть. У богатыхъ крестьянъ бываетъ по двѣ клѣти. Всѣ эти постройки покрываются соломенными крышами, называемыми въ Калужской губерніи „пеледою“. Бани находятся не у всѣхъ дворовъ; въ иныхъ деревняхъ на двадцать дворовъ бываетъ не болѣе 6 бань. Полы въ избахъ деревянные, но никогда не моются. Внутри избы одинъ уголь занятъ печью; уголь противъ нея загорается и называется „чуланомъ“; отъ печи до другого угла устраивается „примостъ“ или постель и на него настиляется солома для сна. Въ курныхъ избахъ печное окошко, назначенное для выхода дыма изъ избы, прорубается въ стѣнѣ, близъ печи, въ видѣ щели; но есть избы, въ которыхъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, отверстіе для дыма дѣлается въ потолокъ и оно затыкается снизу. Число курныхъ избъ въ Калужской губерніи уменьшается съ каждымъ годомъ. Послѣ пожаровъ, погорѣвшіе выстраиваютъ себѣ бѣлыя избы, при раздѣлѣ также. Устройство избъ въ Калужской губерніи сходно съ постройкою крестьянскихъ жилищъ въ Тульской губерніи и въ большей части Рязанской.

Утварь у крестьянъ въ ихъ избахъ бываетъ преимущественно глиняная или деревянная; желѣзной менѣе, а стеклянная встрѣчается очень рѣдко. Для молока, кваса, для собиранія ягодъ употребляется разнообразная посуда, глиняныя крынки, деревянные жбаны, берестяные бураки; у калужскихъ крестьянъ вся эта посуда замѣняется кувшиномъ. Дойники и рукомытники у нихъ также глиняные, правильныя же чашки и ложки привозятся съ нижегородской ярмарки. Чугунныя ступы, желѣзные ковши и уполовники, желѣзныя дверныя скобы у большинства крестьянъ еще не сдѣлались непремѣнною принадлежностью ихъ хозяйства. Всѣ эти вещи, равно какъ и столовыя чашки, по большей части выдолблены изъ дерева.

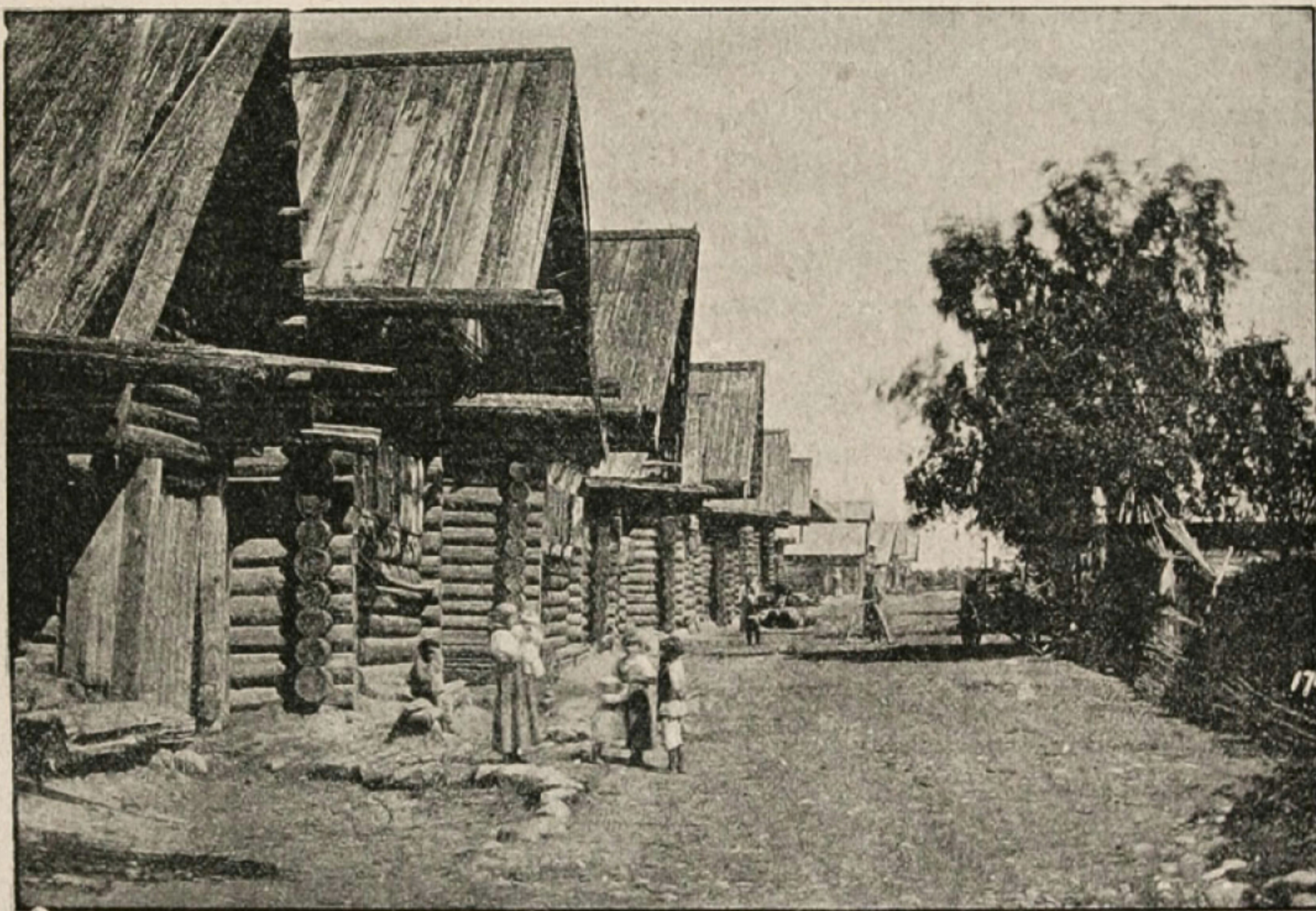
Изда освѣщается зимою пчникомъ, иногда древесною лучиною или вымоченнымъ черпобильникомъ и толстою коноплею. Въ послѣднее время крестьяне во многихъ мѣстахъ Россіи стали употреблять для освѣщенія своихъ жилищъ керосинъ. Около печи обыкновенно стоитъ „дежа“ для печенія хлѣбовъ, а подъ лавками кадочка съ квасомъ и плетушки для сажанія птицъ на яйца.

Крестьянская изба Тамб. губ. (Съ фотографіи Г. Гаррика).

Одежда крестьянъ въ большинствѣ бываетъ домашняго приготовленія. По буднямъ мужчины и женщины носятъ толстое посконное бѣлье. По праздникамъ крестьяне надѣваютъ льняныя рубашки съ цвѣтными ластовицами съ строчеными „панками“ (оплечьями) и воротниками, или рубашки изъ александрійки, а порты набойчатые или китайчатые. Женщины носятъ рубашки съ миткалевыми или коленкоровыми станками, а которыя побѣднѣе—съ льняными станками и съ цвѣтными ситцевыми рукавами или же съ цѣлымъ пестрымъ ситцевымъ станкомъ и шитымъ подоломъ. Верхняя одежда крестьянокъ состоитъ лѣтомъ по буднямъ изъ старыхъ бѣлыхъ овчинныхъ зипуновъ, а по праздникамъ—изъ новыхъ сѣрыхъ и черныхъ кафтановъ. Женщины въ будни въ нѣкоторыхъ селеніяхъ носятъ юбки изъ волосяни, крашенныя мореною или червецомъ, а въ другихъ—квѣтчатая паневы, также сдѣланныя изъ волосяни. Въ праздники женщины надѣваютъ лучшія суконныя юбки или паневы, вышитыя гарусомъ или шелкомъ и обшитыя бахромою. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ въ обыкновеніи болѣе носить ситцевыя юбки. Женскіе кафтаны въ разныхъ селахъ бываютъ разнаго покроя: въ иныхъ мѣстахъ шьются обыкновенныя длинныя халаты изъ сѣраго или бѣлаго сукна, окрашеннаго

синею краскою; въ другихъ селеніяхъ кафтаны эти имѣютъ особій покрой, похожій на мужское пальто и называются „шугаями“ и „шушпанами“. Края бортика, полъ и подола обшиваются бумажною или шерстяною тесьмою. Зимною крестьяне и крестьянки носятъ овчинныя тулупы и полушубки. Лѣтомъ въ будни крестьяне носятъ старыя шляпы и шапки и иногда дѣлаютъ себѣ картузы и шляпы изъ ржаной соломы или изъ бѣлаго войлока съ чернымъ околышемъ. Лѣтомъ въ праздники они носятъ поярковыя шляпы, которыя они убираютъ павлиньими перьями, бархатками со стальными пряжками и мишурнымъ золотомъ, а зимою высокія шапки, называемыя „кабардинками“. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ женщины въ будни повязываютъ головы льняными косынками, а по праздникамъ пестрыми кашемировыми или пунсовыми драдемамовыми платками. Въ другихъ селеніяхъ женщины носятъ простыя кички, а по праздникамъ кички, шитыя спереди золотомъ и унизанныя разноцвѣтнымъ бисеромъ, причемъ на затылокъ спускаются нитки стекляруса, а на самой макушкѣ родъ шапочки, называемой со-

Деревня Тамбовской губ. (съ фотографіи Г. Гаррика).

рокою. Поверхъ кички на голову набрасывается покрывало изъ кисеи или сарпинки. Кички начинаютъ выходить изъ всеобщаго употребленія, но прежде онѣ стоили каждая отъ 30 до 40 рублей и переходили въ наслѣдство отъ матери къ дочери. Дѣвицы носятъ синіе или клѣтчатые сарафаны, а на головахъ вѣночки изъ позумента или шитыя золотомъ, съ лентами назадъ и съ гарусными кисточками на затылкѣ, а въ косу заплетается нѣсколько лентъ. Юбки онѣ носятъ цвѣтныя ситцевыя. Мужская обувь въ будни состоитъ изъ лаптей съ онучами, а въ праздники сапоги или коты съ толстыми чулками. Женщины въ будни носятъ также лапти, а въ праздники иныя черевики, а другія коты и суконныя чулки или онучи. У нѣкоторыхъ женщинъ Нижнедѣвицкаго уѣзда считается щегольствомъ надѣть четыре пары чулокъ, изъ которыхъ самыя верхніе не подвязываются, а спускаются небрежно по ногамъ. Это дѣлается для того, чтобы икры казались полнѣе, что почитается непремѣнною принадлежностью женской красоты въ тамошнемъ крестьянскомъ быту. Въ иныхъ селахъ женщины подпоясываются очень низко, при чемъ весь животъ у нихъ выставляется впередъ, а рубашка на животѣ съ цѣлью выдергивается изъ подъ паневы и напускается широкими складками. Это

называется „пазухою“. На шею замужнія женщины и дѣвицы надѣваютъ монисты изъ разноцвѣтнаго бисера, а также мѣдный крестъ или образокъ на шелковомъ или шерстяномъ шнуркѣ, называемомъ „гайтаномъ“. Крестъ онѣ перекидываютъ черезъ плечо на правую сторону.

Утварь крестьянъ центральныхъ губ. — Рис. Панова.

Пища крестьянъ состоитъ преимущественно изъ хлѣба, гречневой каши и молока. Самый зажиточный крестьянинъ только къ праздникамъ, именно лѣтомъ въ Петровъ, въ Ильинъ день, рѣжетъ для себя барана. Впрочемъ, осенью, послѣ убоя скота и птицы, мясо чаще появляется за крестьянскимъ столомъ, чѣмъ лѣтомъ. Въ петровскій постъ пища у крестьянъ становится еще скуднѣе и состоитъ изъ толченого лука съ квасомъ и гречневой или ячной каши тоже съ квасомъ. Такъ какъ рѣдко кто изъ крестьянъ занимается рыбною ловлею, то рыба мало употребляется въ пищу. Обыкновенный лѣтній обѣдъ крестьянина состоитъ изъ щей съ капустою и съ кусочками свиного сала и гречневой каши съ молокомъ. Та же пища подается за полудникомъ и за ужиномъ. Подобный порядокъ измѣняется только по праздникамъ, когда прибавляется ужникъ, т.-е. супъ изъ мяса съ крупною, чрезвычайно густой или что-нибудь другое. Такое однообразіе крестьянскаго стола свойственно всякому чисто земледѣльческому хозяйству. Грибы, подобно многимъ дикимъ растеніямъ, входятъ также въ пищу крестьянина. Когда грибы появляются, то они въ большомъ количествѣ употребляются крестьянами, жареные и вареные. Изъ другихъ дикихъ растеній, щавель и снытька въ молодомъ ихъ возрастѣ кладутся въ щи бѣдными крестьянами вмѣсто капусты. Многія дикорастущія ягоды также служатъ лѣтомъ подспорьемъ въ скудной пищѣ крестьянина.

Во время обѣда и ужина мужчины сидятъ за столомъ, а женщины ѣдятъ стоя, очередная же приспѣшница, или, по мѣстному названію, „денщица“, обыкновенно вмѣстѣ съ другими не обѣдаетъ, но особо, одна. Въ большихъ семьяхъ между женщинами соблюдается очередь въ приготовленіи пищи, печеніи хлѣба и дѣланіи кваса.

Молитвою начинается день у крестьянина. Еще до разсвѣта осенью и зимою поднимается большуха (хозяйка), молится, затопляетъ печь, возится съ посудою, мѣситъ и катаетъ хлѣбы. Просыпается хозяинъ, шепчетъ молитвы, стоя передъ святымъ угломъ, гдѣ на полкѣ хранятся иконы и принимается за какое-нибудь домашнее мастерство, дающее ему заработокъ, или за другую работу. Молодыя женщины и дѣвушки также, какъ только встали и помолились, такъ и принялись или за прялку, или за тканье, или за вязанье, и также не остаются сложа руки. Однимъ дѣтямъ даютъ спать въ волю: ихъ никто не торопитъ вставать. Старики и старухи балуютъ ихъ; при возможности одаряютъ подарками. И такъ проходитъ время,

Крестьянинъ Калужской губ. (Фотографія Г. Гаррика).

день за днемъ. Потому крестьянамъ и не скучно жить въ деревнѣ, потому что каждый день есть для него и для всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи какое-нибудь занятіе, какая-либо работа. Весною и лѣтомъ съ восходомъ солнца крестьянинъ уже на полѣ; пашетъ, боронитъ, сѣетъ, коситъ сѣно, убираетъ его, жнетъ хлѣбъ, возитъ его, сушитъ, молотитъ, смотря потому, какъ одна полевая работа чередуется другою. Время самой трудной работы называется страдою или страдною порою. Въ это время села и деревни пустѣютъ: все взрослое населеніе, мужчины и женщины, парни и дѣвушки, находится въ полѣ и въ селеніяхъ остаются одни дѣти да старики и старухи, обезсиленные трудами и годами. Дѣти постарше нянчатъ своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ, а остальные играютъ на улицѣ между избами.

До начала еще жатвы, крестьяне дѣлаютъ свои замѣчанія о дороговизнѣ и дешевизнѣ хлѣба по наливающимся колосьямъ. Если рожь цвѣтетъ снизу колоса, то утверждаютъ, что будетъ низкая цѣна на хлѣбъ, если съ середины, то средняя, если

Тягъ крестьянина Калужской губ. (Съ фот. Г. Гаррика.)

Тягъ крестьянъ Калужской губ. (Съ фот. Г. Гаррика.)

сверху колоса, то дорогая. У многихъ крестьянскихъ семей существуетъ обыкновеніе, что свекровь зажинаетъ молодую сноху, поступившую въ ея семейство, только въ первый годъ жатвы. Для того свекровь накрываетъ снопъ полотенцемъ и даетъ своей снохѣ вязать его; тогда сноха будетъ работающая. Жатва, какъ и сѣнокосъ, сопровождаются обыкновенно дружною работою и пѣніемъ веселыхъ пѣсень, особенно когда уродились хлѣбъ, или трава и когда погода благопріятствуетъ ихъ уборкѣ. Во время сѣнокоса во многихъ мѣстахъ на полѣ вѣшаютъ вѣнки изъ полевыхъ цвѣтовъ; головы дѣвушекъ украшаются цвѣтами; онѣ составляютъ хоры, къ которымъ присоединяются мужчины и женщины. При возвращеніи съ сѣнокоса или жатвы устраиваются привалы, на которыхъ мѣстный гудочникъ потѣшаетъ всѣхъ собравшихся своею музыкаю, при чемъ устраиваются пляски, пѣніе и все населеніе деревни возвращается домой съ пѣснями, въ радости, что сѣнокосъ или жатва окончились благополучно.

Типъ крестьянки Орловской губ. (Съ фот. Г. Гаррика).

туда пригоняютъ со всего прихода на ближайшій лугъ лошадей. По окончаніи молебствія и освященія воды, священникъ, проходя по рядамъ лошадей, кропитъ ихъ святою водою, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣка, лошадей прогоняютъ впасть сквозь ея освященныя воды. Въ этотъ день пчеловоды приносятъ первые соты въ церковь для освященія, какъ въ праздникъ Преображенія Господня садоводы выносятъ для того же яблоки. Поэтому въ народѣ день 1-го августа называется также Спасомъ медовымъ, а день 6-го августа Спасомъ яблочнымъ.

Женщины, съ окончаніемъ лѣтнихъ полевыхъ работъ, принимаются въ это время за собственные свои занятія: мочатъ коноплю и ленъ, сушатъ, треплютъ ихъ, нитки прядутъ и снуютъ холстъ, вьютъ веревки и проч.; съ перемены въ Россіи лѣтосчисления, это время называлось у насъ „Симеономъ лѣтопроводцемъ“. Съ этого дня до Петра Великаго начинался въ Россіи новый годъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи подь Семеновъ день въ деревняхъ га-

Въ разныхъ полосахъ Великороссіи въ августѣ происходитъ сельское торжество, называемое „помочи“, именно когда остается у нѣкоторыхъ хозяевъ на поляхъ хлѣбъ, недожатый по какой-либо причинѣ, то они созываютъ сосѣдей помочь имъ. На дворѣ ставятся столы съ хлѣбомъ-солью, пирогами, виномъ. Угощенные сосѣди отправляются въ поле и тамъ снимаютъ хлѣбъ. Къ стариннымъ обычаямъ, сохранившимся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до нынѣ, принадлежитъ празднество при созрѣніи хлѣба. Еще и въ настоящее время приносятъ въ церковь для освященія первые снопы хлѣба и печеный хлѣбъ отъ перваго умолота, первые соты меда и первые созрѣлые плоды. Когда поспѣваетъ жатва, то многіе служатъ молебствія и потомъ окропляютъ поля и жнецовъ святою водою. Хозяинъ, старшій по лѣтамъ, или священникъ, беретъ серпъ и дѣлаетъ начатокъ, первые снятые колосья.

Въ праздникъ перваго Спаса, или Спаса медоваго, 1-го августа, бываетъ обыкновенно крестный ходъ на воду и гдѣ она освящается,

Крестьянки Рязанской губ. (Съ фот. Г. Гаррика).

сятъ вечеромъ огонь въ избахъ и не держатъ его въ ночь съ 31-го августа на 1-ое сентября. На утро новый огонь раздуваютъ знахари и знахарки съ особыми приговорами. Если дѣвушка затыкаетъ красна въ Семеновъ день, то она замѣчаетъ, какъ ложатся у нея нитки: если прямо, то у нея будетъ хорошій мужъ, если неровно, то негодный. На женскія работы стекаются молодые парни, чтобы имъ помочь, и помогаютъ преимущественно молодкамъ и дѣвушкамъ. Въ вечеру начинаются посидѣлки, на которыхъ просиживаютъ за работами до первыхъ пѣтуховъ. Пряхи, сидя за мочкою, толкуютъ про домашнія дѣла, смѣются надъ парнями и поютъ:

Пряди, моя пряха,
Пряди, не дѣшися.
Я рада бы пряхъ,
Меня въ гости звали.

Крестьяне (Тульской губерніи) за обѣдомъ. (Фотографія съ природы).

Къ сосѣду во бесѣду,
На пиръ пировати:
Пива, меду, пити,
Вина зеленого.
А я молоденька
Не пью никакого,
Окромъ простого.
Зеленая роща,
Всю ночь прошумѣла
А я, бѣдная Дуняша,
Всю ночь просидѣла,
Къ себѣ мила друга ждала.
Приѣхали трое
На воронныхъ коняхъ;
Шанка со углами,
Головка съ кудрями.

Съ начала вечера до ужина, всё присутствующіе на посидѣлкахъ занимаются усердно, чтобы въ ужинъ показать своей матери, какъ много наработано. Но часа черезъ два послѣ ужина, пропадаетъ вся охота къ работѣ:

Сядетъ прасть,
Донце хрясть,
Мочки хлопками летать!

При этихъ словахъ всё бросаютъ работу и начинаются игры, а между тѣмъ появляются парни съ камышевыми дудками, балалайками, гармониками, начинаются подь ихъ музыку

Семейный обѣдъ.

пляски. Часто до начала игръ и плясокъ поютъ пѣсни, какія придутъ въ голову, унылыя и плясовыя и протяжныя. Среди пѣсней грустныхъ, вдругъ начинается плясовая и открывается пляска. Когда пляшутъ подь пѣсни, тогда женщины и дѣвушки, вставъ въ кружокъ, поютъ; изъ круга между тѣмъ отдѣляется одна пара, иногда и двѣ: онѣ вмѣстѣ поютъ и пляшутъ, подь тактъ пѣсни

Воскресеніе женъ Міроносицъ называется въ Рязанской губерніи бабьимъ праздникомъ, потому что въ этотъ день бабы служатъ молебны и въ складчину устраиваютъ пирушку. Въ это же время мѣстами устраиваются крестьянскія свадьбы, которыя вообще преимущественно совершаются въ храмовые праздники, во избѣжаніе расходовъ. По большей части родители находятъ жениха невѣстѣ, или невѣсту жениху, по своему выбору, не представляя его моло-

дымъ людямъ. При этомъ выборѣ всякая семья старается пріобрѣсти въ домъ бабу, которая была бы способна исправлять работы въ полѣ и по хозяйству въ домѣ и обладала бы здоровьемъ, ручающимся за будущее поколѣніе. Высокій ростъ, крѣпкое сложеніе, здоровье, свѣжесть лица цѣнятся въ рязанскомъ крестьянствѣ болѣе всего. Поэтому многіе родители не довѣряютъ свахамъ и сами осматриваютъ невѣсть, причемъ иногда заставляютъ даже пройти, чтобы убѣдиться, твердо ли она держится на ногахъ и не короче ли одна нога другой. Молодая живетъ въ семьѣ цѣлый годъ спокойно, причемъ ее не заставляютъ работать, если только она сама не пожелаетъ, но, по прошествіи года, большая часть трудовъ по хозяйству ложится на молодую женщину.

Наканунѣ Рождества въ крестьянскомъ быту обыкновенно ничего не дѣлать до появленія первой звѣзды. Въ этотъ день въ избахъ съ утра начинаютъ печь блины, а молодыя бабы и

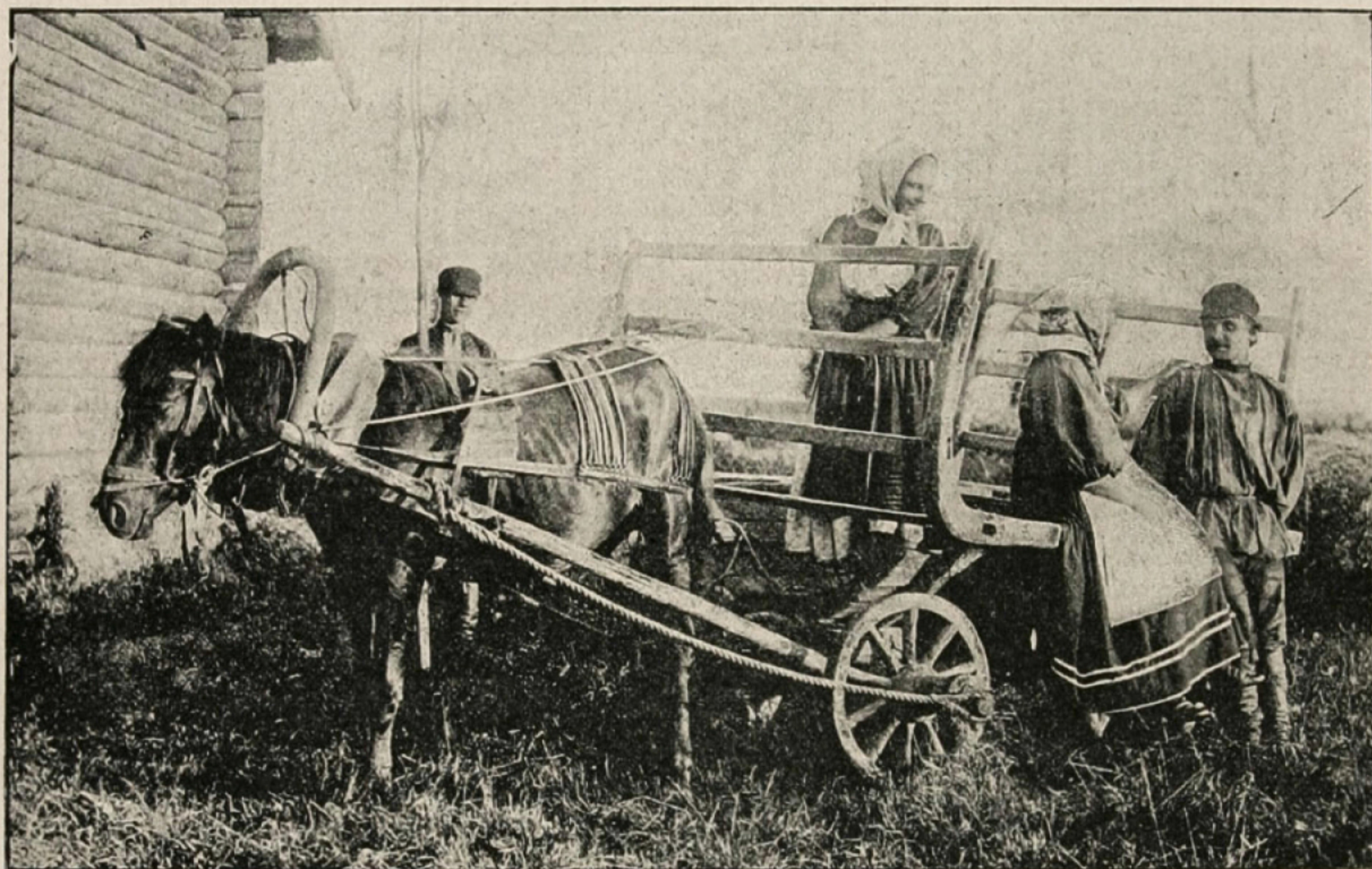
Рожь. Картина П. И. Шинкина.

дѣвки гурьбою ходятъ по улицѣ и „кличутъ коледу“. Подойдя къ какой-нибудь избѣ, онѣ начинаютъ пѣть протяжнымъ и заунывнымъ голосомъ:

Колета, подай блина,—колета,
 Не подадите блина,—колета,
 Корову за рога,—колета,
 Подадите блина, прочь пойдѣмъ,—колета.

Подъ звуки этой пѣсни окно отворяется и щедрая рука надѣляетъ пѣвицъ горячими блинами, послѣ чего онѣ идутъ далѣе. На третій день праздника начинаются дни наряжанья, гаданья, такъ-называемыя святки. Подъ новый годъ собирается толпа молодежи, ходятъ подъ окнами и кличутъ „авсень“ или „усень“, и подобно какъ въ коледу выспрашиваютъ себѣ съѣстныхъ подачекъ. Вечеръ подъ новый годъ исключительно посвящается гаданьямъ. Въ день Богоявленія Господня, 6-го января, по окончаніи обряда погруженія креста въ воду, нѣкоторые крестьяне раздѣваются, бросаются въ Иорданъ и окунувшись разъ бѣгутъ къ себѣ въ избу прямо на печку. Съ Иордани каждый возвращается домой съ кувшиномъ освященной воды, которую сохраняютъ въ теченіе года, употребляя ее отъ падучей и другихъ болѣзней.

Эту же воду выставляют въ полѣ, если видятъ приближеніе градовыхъ тучъ. Масленица въ Рязанской губерніи празднуется такъ-же, какъ и въ остальной Россіи, причемъ все населеніе деревни предается ѣдѣ до пресыщенія, гульбѣ и праздности. Наѣвшись блиновъ, ходятъ другъ къ другу съ поздравленіями: женщины къ женщинамъ, дѣвушки къ дѣвушкамъ, старики къ старикамъ, а молодые парни къ тѣмъ и другимъ. Всѣ одѣваются въ праздничныя платья, особенно взрослые невѣсты. На улицѣ, подъ окнами избъ собираются дѣвушки въ праздничныхъ сарафанахъ и паневахъ и бѣлыхъ суконныхъ шушунахъ. Головы повязаны красными шерстяными платками, а шушуну такими же поясами. Молодухи показываются въ кокошникахъ, кичкахъ, повойникахъ, также въ теплой одеждѣ. Въ губерніяхъ Рязанской и Тамбовской дѣвушки въ дни масленицы надѣваютъ повойники и кички, крытыя позументомъ и вышитыя золотомъ. Появляются сани, и начинается катанье, причемъ въ инья сани усаживается до

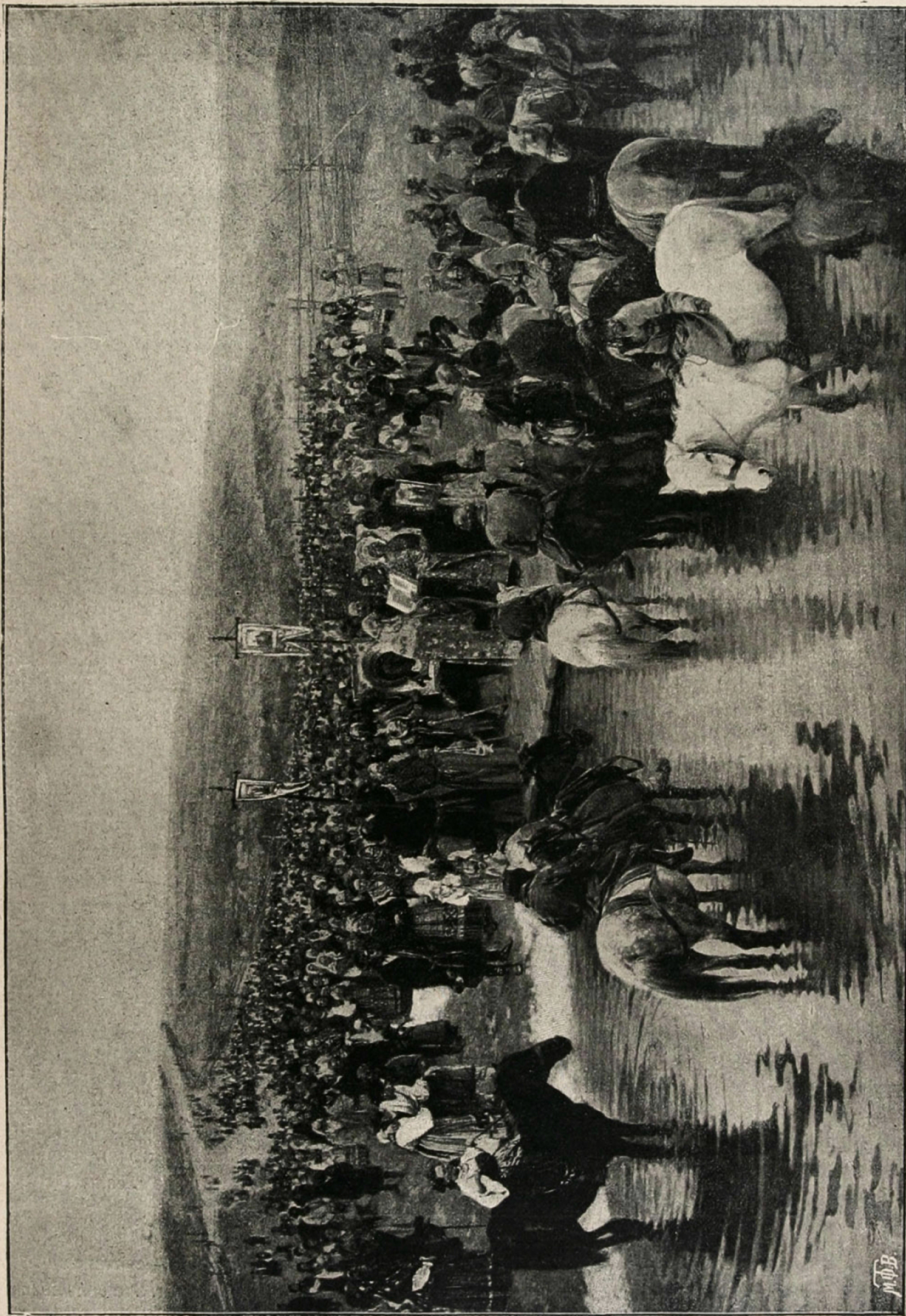
Типы крестьянскихъ дѣтей Тамбовской губ. (Фотографія съ натуры).

15 человекъ и они съ пѣснями разъѣзжаютъ по своему селенію и по ближнимъ деревнямъ. Вся масленица проводится обыкновенно въ ѣдѣ и въ катаньѣ.

Въ понедѣльникъ первой недѣли поста, хозяйка-баба замѣчаетъ какого пола будетъ то лицо, которое первое войдетъ къ ней въ избу. Если это будетъ мужчина, то овцы будутъ болѣе котать баранчиковъ, а если женщина, то ярокъ будетъ болѣе.

Великіе дни страданій Спасителя, воспоминаемые, по уставу Православной Церкви, особоторжественными и продолжительными Богослуженіями, на деревенской Руси отмѣчены особыми повѣрьями и обычаями. Съ каждымъ днемъ Страстной,—или, какъ говорятъ обыкновенно въ народѣ, „Страшной“, — недѣли связана своя, только къ нему одному относящаяся, примѣта.

Съ понедѣльника на Страстной недѣлѣ начинается вся Русь крещеная мыться-чиститься, ко встрѣчѣ Свѣтлаго Праздника сряжаться-готовиться. „Страшной понедѣльникъ на дворъ идетъ — всю дорогу вербой мететь“, „Съ Великаго понедѣльника до Великаго Дня (Пасхи) цѣлая недѣля, по горло бабамъ дѣла“—говоритъ деревня, только что встрѣтившая съ вербами (ваіями) въ рукахъ Вербное Воскресенье, съ которымъ у дѣтвора связана память о словахъ

СПАСОВЪ ДЕНЬ. — Картина И. Прянишникова.

Автотипія Т-ра М. О. Бозьтъ

„Верба хлестъ—бей до слезъ“. Вторникъ является днемъ, въ который, по старому обычаю, положено дѣлать „соченое молоко“. Для этого рано по-утру, еще до разсвѣта, сметають по

Молоотьба. (Фотографія Г. Гаррика).

закромамъ конопляное и льняное сѣмя, перемѣшиваютъ, толкутъ въ ступахъ и разводятъ

Передъ посѣвомъ. —Картина Н. В. Орлова.

водою. Для охраны домашней животины отъ всякихъ болѣстей хорошо, по словамъ знающихъ людей, поить ее этимъ „молокомъ“. По этому молоку старые люди распознають еще, будетъ ли прокъ изъ скота: не пьетъ животное его—быть худу, стало-быть, какимъ-нибудь злымъ человѣкомъ на него порча напущена, — и на него, и на весь приплодъ даже! Въ „Страшную середина“ принято, изъ предосторожности, обливать водою всю животину на дворѣ, — но не простой водою, а натаенной изъ енѣга, собраннаго по оврагамъ, да посоленнаго прошлогодней „четверговою“ солью. Эта вода предохраняетъ скотину отъ всякаго „напуска“ на цѣлый годъ. Въ четвергъ—новая забота ста-

рикамъ да старухамъ, „соблюдающимъ старину“: пережигать соль въ печи. Эта соль является, по ихъ мнѣнью, цѣлебною; ее тщательно сохраняють въ божницѣ, за иконами.

Всюду въ обычаѣ—приходить въ этотъ день домой отъ всенощной съ горящими свѣчами. Крестьяне, еще и теперь, выжигаютъ принесенною „отъ двѣнадцати Евангелій“ свѣчою кресты на дверяхъ и потолкахъ, думая отогнать этимъ злую нечистую силу отъ своего крова. Если эту свѣчу зажечь въ грозу, то можно не бояться громовыхъ ударовъ: всѣ они отгремятъ, не причинивъ богобоязненному дому никакого вреда. Совѣтуютъ деревенскія лѣкарки-знахарки давать зажженную эту „страстную“ свѣчу въ руки трудно-больнымъ, а также и мучающимся родильницамъ. Такова ея цѣлебная сила, по словамъ умудренныхъ опытомъ людей.

Въ „Стоглавѣ“ записано преданіе о томъ, что въ великій четвергъ встарину утромъ падали соломѣ и „кликали“ при этомъ мертвыхъ. Съ этого дня, изъ опасенія „засорить глаза лежащему во гробѣ Христу“, не принято мести избы вплоть до Свѣтлаго Праздника. Страстная пятница — одна изъ особо чтимыхъ въ народѣ пятницъ, хотя и меньше Благовѣщенской и „десятой“. Въ великую субботу, передъ сумерками, заклинаютъ утренники-морозы, просятъ ихъ не губить яровыхъ хлѣбовъ, льна и конопли. А тамъ наступаетъ и Святая, „великоден-

Страдная пора.—Картина Г. Г. Мисоѣдова.

ская“, „славная“ и „красная“ недѣля, на которую умильными голосами выводятъ, у церковныхъ папертей сидючи, свой стихъ воскресный сохранившіеся пережиткомъ пѣсенной старины „калѣки переходіе“:

„Се пшѣ радость,
Духовная сладость,
Веселится небеса
И радуется земля
Вкупѣ съ человѣки,
Съ безплотными лики.
Взыграй днесь, Адаме,
И радуйся, Ева... и т. д.

Въ день св. Георгія, 23-го апрѣля, впервые въ поле выгоняется скоть. Во многихъ деревняхъ въ этотъ день служатъ молебень съ водосвятиемъ, для чего все стадо сгоняютъ къ часовнѣ или къ церкви. Хозяйки сгоняютъ свою скотину вербами, которыя сохраняютъ для того отъ заутрени Вербнаго Воскресенья. По освященіи воды, все стадо прогоняется мимо священника, который окропляетъ его. Первая гроза счита^{ется} признакомъ для начала сѣва. Въ этотъ день всѣ бѣгутъ купаться, а кто боится, тотъ ум^{ывается} черезъ обручальное кольцо или
къ,

изъ подойника, въ которое положено яйцо, чтобы хозяйка была здорова, корова давала бы болѣе молока и чтобы куры неслись. При посѣвѣ овса существуетъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ обычай приносить въ поле младенцевъ, которые не начинаютъ долго ходить. Такихъ младенцевъ ставятъ на пашню и обѣиваютъ кругомъ овсомъ, въ томъ убѣжденіи, что это средство укрѣпляетъ ноги младенцевъ. Горохъ стараются засѣвать близъ проѣзжихъ дорогъ, чтобы имъ могли пользоваться прохожіе и проѣзжіе, такъ какъ среди крестьянъ существуетъ повѣрье, что Богъ вознаградитъ за то хорошимъ урожаемъ.

Съ вечера, наканунѣ праздника Св. Троицы, каждый хозяинъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ запасается свѣжими вѣтвями деревьевъ и кустарникомъ. Иные привозятъ ихъ по цѣлому возу и разставляютъ ихъ около иконъ, дверей и воротъ своего дома. Церковь также украшается

На окраинѣ сосноваго бора.—Картина И. И. Шишкина.

крестьянами красивыми вѣтвями и пахучими травами. По окончаніи Богослуженія, крестьяне поспѣшно собираютъ траву съ полу церкви, только кому придется захватить. Нѣкоторые крестьянки выютъ вѣнки изъ листьевъ вѣтвей, поставленныхъ въ церкви. Эти вѣнки и кладутъ на горшокъ при разсаживаніи капусты. Траву, принесенную изъ церкви, крестьяне берегутъ, какъ драгоценность, приписывая ей цѣлительныя свойства и употребляя ее на лѣкарства. Они примѣшиваютъ эту траву къ сѣну, даютъ скоту, кипятятъ съ него воду и пьютъ ее. По выходѣ изъ церкви всѣ расходятся по домамъ и чрезъ нѣкоторое время всѣ молодія женщины и дѣвицы, не обѣдая, отправляются въ лѣсъ или въ мелкій кустарникъ завивать вѣнки. Придя на избранное мѣсто, онѣ начинаютъ пѣть пѣсни, гуляютъ, играютъ и пляшутъ и затѣмъ обѣдаютъ на травѣ. Затѣмъ онѣ начинаютъ завивать вѣнки изъ вѣтвей и листьевъ какого-нибудь куста, не отламывая отъ него ни вѣтвей, ни листьевъ. Тѣ дѣвушки или замужнія женщины, которыя на праздникъ Вознесенія вмѣстѣ крестили кукушекъ, вмѣстѣ завиваютъ и вѣнки. Онѣ

подходятъ парами къ сдѣланному вѣнку, вѣшаютъ на него снятые съ шеи свои кресты, цѣлуютъ ихъ, затѣмъ сами цѣлуются, кладутъ поклоны, снова цѣлуются и размѣниваются крестами, которые онѣ отдали другъ другу въ день Вознесенья. Этимъ обрядомъ окончательно закрѣпляется за ними то особаго рода родство, въ силу котораго онѣ называютъ одна другую кумами. Домой женщины возвращаются съ вѣнками, нѣжно сплетенными и украшенными цвѣтами. Во время цѣлованія и обмѣна крестами, кумы поютъ:

Березнякъ, березнякъ,
Зеленый, кудреватый,
Частый, кустоватый.
Что же ты, березничекъ,
Не весель стоишь?
Какъ же мнѣ березничку,
Веселу стоять?
Старья старухи
Вѣнки завивали,
Мнѣ макушки поломали.

Крестьяне Калужской губерніи. (Фотографія съ натуры).

Отправляясь въ первый разъ сѣять, крестьянинъ молится, но передъ молитвою всѣ домашніе садятся за столъ, который покрывается скатертью и на него ставятся хлѣбъ и соль. При этомъ никто изъ домашнихъ не садится до молитвы возлѣ печи, такъ какъ при соблюденіи этого условія крестьяне надѣются избѣжать засухи. По окончаніи посѣва происходятъ „отсѣвки“, на которыхъ особенностью бываетъ у хозяина самый лучшій обѣдъ, потому что хозяинъ желаетъ имѣть на своемъ полѣ такой же обильный урожай, какимъ у него въ этотъ день оказывается обѣдъ. При молотѣбѣ хлѣба крестьянинъ соломѣ первыхъ сноповъ бросаетъ, какъ онъ выражается, „дѣдушкѣ на ребра“, подъ которымъ понимается особенное существо, среднее между злымъ и добрымъ, въ видѣ приношенія, ему подають нѣкоторое количество соломѣ на крышу риги. Когда крестьянинъ везетъ хлѣбное зерно на мельницу, то мѣшки съ нимъ кладетъ на телѣгу непременно завязанными концами назадъ.

Почти во всѣхъ селеніяхъ черноземнаго пространства центральныхъ губерній празднуется семикъ, который приходится въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, почему и получилъ свое названіе. Нынѣ это собственно дѣвичій праздникъ, но начало свое онъ ведетъ со временъ

идолопоклонства, когда въ это время происходили разныя весеннія забавы. Лѣтъ пять, десять, тому назадъ передъ Троицинымъ днемъ, въ великорусскихъ и малороссійскихъ городахъ и селеніяхъ толпы людей, мужчинъ и женщинъ, съ зелеными вѣтвями въ рукахъ, отправлялись

Крестьяне Тульской губерніи. (Фотографія съ натуры).

въ ближній лѣсъ, откуда возвращались въ пѣдшествіи плясунувъ и плясуній, которые скакали передъ толпой, а она пѣла. Въ семикъ производились въ прежніе годы гаданія при рѣкѣ

Праздникъ въ деревнѣ.—Картина П. М. Прляшниковъ.

и колодець; умывали глаза водою, чтобы они не болѣли и бросали въ воду мелкую монету. Первые проповѣдники христіанства, желая уничтожить идолопоклонническіе обряды, вкоренившіеся въ народѣ, должны были сообразоваться съ его обычаями и установили потому крестныя хожденія въ семикъ еще въ IV вѣкѣ, въ царствованіе Константина Великаго. Нынѣ дѣвушки ходятъ въ ближайшій лѣсъ, или кустарникъ, играютъ тамъ въ разныя игры, пляшутъ вокругъ березки, которую держитъ одна изъ нихъ. Березка бываетъ украшена лентами, иногда же плетками.

Дворы, дома въ этотъ день устанавливаются молодыми березками, липками, кленами, смотря по обилію того или другого лѣса въ данной мѣстности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи вся седьмая недѣля послѣ Пасхи называется „семицкою“. Ношеніе деревьевъ существовало въ древности въ городахъ Греціи, гдѣ въ честь

богини Прозерпины носили зеленія деревья и масличныя вѣтви. Роши и дубравы служили за вѣтными мѣстами для совершенія обрядовъ у грековъ, римлянъ, германцевъ, друидовъ, славянъ.

Въ деревняхъ семикъ составляетъ веселое хороводное гуляніе, на которомъ присутствуетъ и участвуетъ все населеніе, въ праздничныхъ нарядахъ, на которомъ подъ музыку съ пѣснями ведутъ хороводы. Въ Тульской губерніи поютъ на семикѣ:

Благослови, Троица,
Богородица!
Намъ вѣтки завить,
Вѣнокъ сплести.
 Ай, дидъ, ой, ладо!
Намъ вѣтки завивать,
И цвѣты сорывать.
 Ай, дидъ, ой, ладо!
А мы въ лѣсъ поидемъ,
И цвѣтовъ парвемъ;
Мы цвѣтовъ парвемъ,
И вѣнокъ соведемъ.
 Ай, дидъ, ой, ладо!
Свекру-батюшкѣ,
Свекрови-матушкѣ;
Свекру-батюшкѣ—малиновой;
Свекрови-матушкѣ—калицовой.
 Ай, дидъ, ой, ладо!
Пойду-ли пѣшкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ;
Сломлю-ль съ сыра-дуба вѣточку,
Брошу на быструю рѣченьку.
 Ай, дидъ, ой, ладо!
Не тонеть, не плыветь,
Съ сыра-дуба вѣточка,
Не тужить по мнѣ
Свекорь-батюшка,
Свекровь-матушка,
 Ай, дидъ, ой, ладо

Въ другихъ мѣстахъ парни и дѣвушки, открывая семикъ хороводомъ, ходятъ вокругъ березки, избранной для того и извитой лентами и поютъ:

Не дождикъ березку отмываетъ,
Здѣсь въ рошѣ дѣвокъ прибываетъ.
Скачте, пляшите, красны дѣвки,
А вы, холостые, поглядите.
Съ гулянья вамъ дѣвусекъ не взяти!
А взять ли, не взять ли съ доброй воли
По батюшкиному повелѣнью,
По матушкиному благословенью,
По неѣстину руководѣлю.

По окончаніи пѣсни ставятъ въ середину хоровода дѣвушку и мужчину и всѣ продолжаютъ пѣть:

Ай, въ полѣ липенька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла;
Подъ линою бѣлъ шатеръ,
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица,
За тѣмъ сидитъ красная,
Шьетъ ширинку золотомъ,
Нижетъ узду жемчугомъ.
Бхаль мимо молодецъ:
Богъ на помощь, дѣвица!
Богъ на помощь, красная!
Ширинку шить золотомъ,
Низать узду жемчугомъ.

Парни послѣ того поютъ:

Не мнѣ ли ширинку?
Не моему ли кою уздечку?

А дѣвушки имъ отвѣчаютъ:

Не по молодцѣ ширинка,
Не по твоему коню уздечка.

Съ семика обыкновенно начинаются по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ хороводы въ деревняхъ и селахъ и продолжаются до конца лѣта. Иные раздѣляютъ хороводы на весенние и лѣтние. Хороводы—главное удовольствіе деревенскихъ красавицъ. Всѣ дѣвушки стараются выказать въ нихъ свою ловкость, свое умѣнье пѣть, свои голосовыя средства. Онѣ поютъ, бѣгаютъ, вертятся попарно и вѣнцомъ, кружатся и раскланиваются. Главное содержаніе хороводныхъ пѣсенъ составляетъ семейная жизнь, съ колкими иногда замѣчаніями на семейный бытъ. Время сочиненія хороводныхъ пѣсенъ — неизвѣстно, но нѣкоторыя изъ нихъ

Группа крестьянъ, играющихъ въ яйца на Свѣтлой педѣлѣ. (Фотографія съ натуры).

вѣроятно принадлежать еще XVI вѣку. Въ большихъ селахъ хороводы собираются не въ одномъ мѣстѣ, а на обоихъ концахъ главной улицы, причемъ одинъ хороводъ идетъ со своего конца на встрѣчу другому, приближающемуся со своей стороны и оба они поютъ:

Возлѣ тыну хожу,
Я коперъ траву сажу
Не быть капру
Съ тыномъ ровбу;

Игры и пѣсни мѣняются отъ произвола и выбора хоровода. Когда „садятъ хрѣнѣ“, то одна дѣвушка становится въ кругу, а другая насупротивъ ея за кругомъ. Взавшись за руки, онѣ поднимаютъ и опускаютъ ихъ на голову каждой изъ дѣвушекъ, обходя вокругъ всѣхъ до трехъ разъ. „Алая заря“ состоитъ въ томъ, что въ серединѣ круга сидитъ горящая дѣвушка и тужить о томъ, что ее не пускаютъ веселиться. „Вѣночки или женихъ, ищущій невѣсту“,—выводятъ одну изъ дѣвушекъ, которая ходитъ въ хороводномъ кругѣ и представляетъ собою жениха, ищущаго невѣсту. При игрѣ „выборъ невѣсты“ образуются два ряда играющихъ и въ одномъ изъ нихъ находятся невѣсты, называемыя царевы, а въ другомъ женихи,

называемые бояре, которые на известномъ разстояніи то сходятся, то отступаютъ одинъ отъ другого. Въ игрѣ „при долинь соловей“ въ кругу стоятъ парень и дѣвушка и оба они горюютъ; парень посматриваетъ на свою дѣвушку, а та отворачивается отъ него. Если дѣвушка скрывается изъ круга, парень плачетъ по ней. Когда играютъ „утеня“, то дѣвушки, взявшись за руку, ходятъ кругомъ то въ одну, то въ другую сторону, причемъ измѣненіе ихъ движеній зависитъ отъ содержанія пѣсни. Такихъ игръ при хороводахъ много и при каждой поется своя пѣсня, соотвѣтствующая содержаніемъ игрѣ.

Въ семикъ принято обычаемъ наряжать березу. Женщины, одѣтыя въ лучшіе свои наряды, и молодые парни, украсивъ молодую срубленную березу бумажными и шелковыми платками, съ пѣснями несутъ ее въ ближайшую рощу и тамъ водружаютъ ее на луговинѣ. Потомъ,

Крестный ходъ.—Картина П. Прянишникова

разсыпавшись по березнику, они ломаютъ вѣтви и плетутъ вѣнки, которыми украшаютъ свои головы. Иныя женщины, не отламывая вѣтвей, свиваютъ на сучьяхъ кольца въ родѣ вѣнковъ. Въ эти кольца, противъ середины, привѣшиваютъ снятый съ шеи крестъ, причемъ баба и дѣвка кумятся, т.-е. цѣлуютъ этотъ крестъ, одна съ одной стороны, а другая съ другой. Послѣ того онѣ имъ размѣниваются и между ними на вѣнки утверждается дружба, такъ что для такихъ покумившихся браниться и сориться между собою считается съ этого времени величайшимъ грѣхомъ. Послѣ завивки вѣнковъ, всѣ присутствующіе садятся кругомъ березки и ѣдятъ яичницу, а потомъ уже начинаютъ хороводы. Когда солнце закатилось, то одинъ парень, удалѣе остальныхъ, поднимаетъ березу и несетъ въ деревню, сопровождаемый пѣснями веселой толпы. Затѣмъ всѣ участвовавшіе въ завиваніи вѣнковъ идутъ къ рѣкѣ или къ пруду и, снявъ съ себя вѣнки, кладутъ ихъ въ воду около берега и умываются, почерпнувъ воды сквозь вѣнокъ, а потомъ, взявъ вновь вѣнокъ, бросаютъ его далеко въ воду. Если вѣнокъ потонетъ, то бросавшій умретъ въ томъ же году, а если не потонетъ, то останется живымъ. Такой же обычай пов-

рается въ Рязанской губерніи и въ Троицынъ день, съ тою только разницею, что въ семикъ завиваютъ вѣнки, а въ Троицынъ день ихъ развиваютъ. Въ Духовъ день во многихъ деревняхъ существуетъ обычай обходить поля съ иконами, которыя поднимаютъ въ поля и тогда, когда долгое время стоитъ сухая погода безъ дождей, вслѣдствіе чего останавливается ростъ хлѣбовъ. Для поднятія иконъ по преимуществу избирается праздничный день. Отслушавъ утреню, крестьяне берутъ иконы, особенно же образъ Св. Ильи Пророка, и, предшествуемые священникомъ, при пѣніи причта, направляются въ деревню, гдѣ подлѣ часовни служатъ молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и водоосвященіемъ о испосланіи дождя, а потомъ обходятъ вокругъ своей дачи по генеральнымъ межамъ, причемъ священникъ кропитъ поля святою водою.

Въ праздникъ Вознесенія крестьяне въ Рязанской губерніи пекутъ лѣстницы, или продолговатыя лепешки изъ тѣста въ видѣ лѣсенки. Съ лѣстницами мужики, бабы и дѣвки идутъ въ свои поля, гдѣ каждый, помолясь на всѣ четыре стороны, бросаетъ лѣсенку вверхъ, приго-

варивая, „чтобы рожь моя выросла также высоко“, послѣ чего лѣстницы съѣдаются.

Осенью, послѣ окончанія полевыхъ работъ и уборки хлѣба, а также зимою, наступаетъ преимущественно и свободное время въ крестьянскомъ быту, время болѣе удобное для браковъ. Въ это же время обыкновенно призывается молодежь къ исполненію воинской повинности. Крестьянскія свадьбы совершаются не только не одинаково въ разныхъ губерніяхъ черноземной полосы, но и въ каждой губерніи брачные обряды одного уѣзда не походятъ часто на установленные обычаемъ въ сосѣднемъ съ нимъ

Отпускъ невѣсты (Рязан. губ.)—Картина В. Л. Тышина.

уѣздѣ. Образъ жизни, мѣстныя привычки вліяютъ на эти обычай и обряды. Поэтому и самыя пѣсни, которыя поются при сватаньи, сговорахъ, прощаніи съ родителями и проч., не походятъ одинъ на другія въ разныхъ мѣстностяхъ.

Для сосватанія женна избираются бойкія свахи, которыя должны знать все про домъ невѣсты. Имъ всегда отводится въ домъ крестьянъ почетное мѣсто. Когда вмѣсто свахъ посылаются сваты, тогда и они пользуются подобнымъ же почетомъ. Если отцы просватываютъ своихъ дочерей или сыновей безъ посредничества постороннихъ, то, давъ обѣщаніе другъ другу сыграть свадьбу, они бьютъ по рукамъ и начинаютъ пить вино, отъ чего такое сватовство въ народѣ называется пропоемъ: „такой-то проилъ дочь, а такой-то сына“. По деревнямъ не всегда бываетъ дѣвишникъ. Только въ день, назначенный для вѣнчанія, дружка отправляется съ родственниками къ священнику съ хлѣбомъ и солью, который состоитъ изъ курника, кренделей и вина. При этомъ договариваются о платежѣ за свадьбу и потомъ запираютъ со всѣмъ причтомъ. Передъ поѣздомъ молодыхъ въ церковь, каждаго изъ нихъ благословляютъ въ его домъ родные и посаженные родители. Посаженный отецъ наливаетъ притомъ воды въ чашу, прилѣпливаетъ къ ней восковую свѣчу и зажигаетъ ее, или затепливаетъ

лампаду у образа, молится вмѣстѣ съ молодымъ, послѣ чего уже въ повозку садятся: женихъ, отецъ посаженный, подпяжникъ (подружьё) и поручитель по жениху. Съ невестою же садится сваха, и невеста закрывается прозрачною фатою. Гривы и хвосты у лошадей молодыхъ обвиваются лентами, а на шею и подъ уши навѣшиваютъ колокольчики и бубенчики.. На дугу навязываютъ даже нѣсколько колокольчиковъ. Въ продолженіе всей дороги до церкви молодые обязаны креститься какъ можно болѣе, чтобы колдуны не испортили ихъ; особенно они должны креститься при входѣ въ церковь. По совершеніи вѣчанія, на молодую, на церковной еще наперти, надѣваютъ повойникъ женскій и шлыкъ, котораго края обложены позументомъ. Въ Боровскѣ надѣваютъ жемчужный кокошникъ съ глазками, т.-е. блестящими камешками. Изъ церкви новобрачные отправляются домой уже въ одной повозкѣ. Никто изъ молодыхъ не долженъ ѣсть до вѣчанія. Родные въ домѣ встрѣчаютъ новобрачныхъ съ благо-

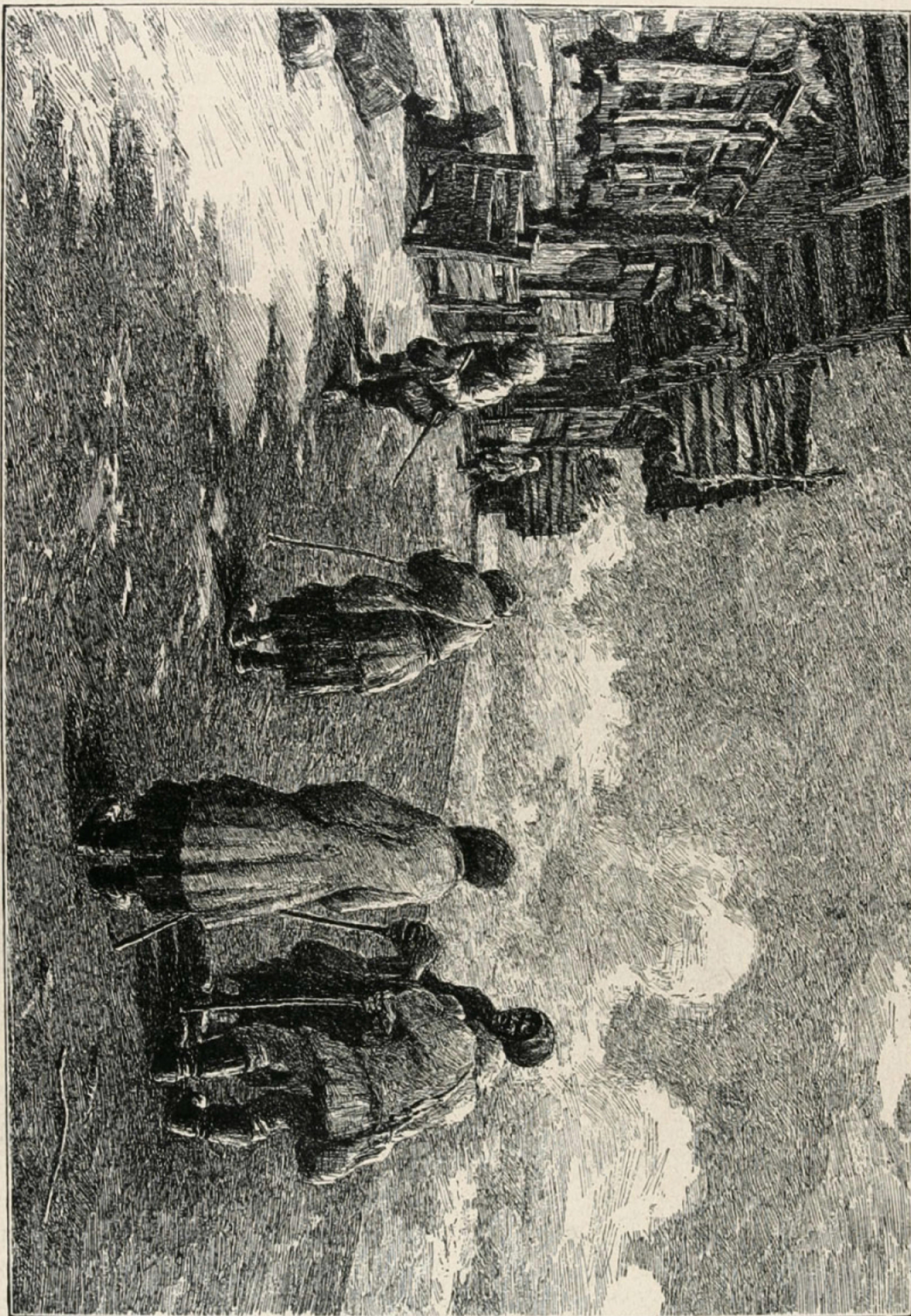

Невѣсту отпускаютъ къ вѣнцу.—Рисунокъ В. Рыбинскаго.

словеніемъ и осыпаютъ ихъ хлѣбнымъ зерномъ; потомъ сажаютъ ихъ за столъ и угощаютъ. У богатыхъ и состоятельныхъ крестьянъ свадебныя пиршества продолжаются нѣсколько дней.

Къ характернымъ типамъ русской деревни относится нищѣ-погорѣлые, которые послѣ каждаго пожара въ деревняхъ иногда цѣлымъ деревенскимъ населеніемъ отправляются искать средствъ для возобновленія новаго жилья на пепелищѣ. „Христа ради на погорѣлыхъ“—слышится отъ подобныхъ семей. А пожары ежегодно на миллионы истребляютъ „деревянную“ Русь; истребляютъ безпощадно съ жильемъ и все хозяйство крестьянина. Послѣ пожара возможно возстановленіе хотя нѣкоторой прежней обстановки для трезваго, трудолюбиваго крестьянина, но мало-мальски слабые къ вину и охочіе къ лѣни поступаютъ въ то „нищее войско“, которое бродитъ по нашему отечеству подъ различными наименованіями. Но пьянство, кабацкій и трактирный разгулъ еще сильнѣе разоряютъ крестьянское хозяйство, чѣмъ пожары, несмотря на то, что послѣдніе не щадятъ ни богатаго, ни бѣднаго.

Среди нищихъ, на сборныхъ мѣстахъ выдается очень часто пожилой человекъ, одѣтый въ синій или чернѣй армякъ, круто запахнутый и высоко подпоясанный, протягивающій книж-

Потерьме.—Рисунки А. Ф. Афанасьева.

ку, обернутую преимущественно черною шерстяною матеріею, съ нашитымъ на нее позументомъ въ видѣ креста. Книга эта прошнурована и шнуръ припечатанъ казенною сургучною красною печатью, причемъ на послѣдней страничкѣ книжки приписано свидѣтельство консисторіи. Это „сборщикъ подаяній на церковь“, „прошакъ“, „запрощикъ“, какъ ихъ прозвали въ народѣ. Ихъ не надобно смѣшивать съ монахами и монахинями, отправляемыми для сбора

У ДЕРЕВЕНСКОЙ ЦЕРКВИ.—Рисунокъ А. С. Афанасьева.

Сборщикъ подаяній на церкви.
Рис. И. Павлова.

подаяній отъ своихъ монастырей. Прошакъ, по усердію къ храму Божию, гдѣ его крестили, подлѣ котораго похоронили его родителей, по желанію обновить этотъ храмъ, украситъ его, отправляется бороздить пѣшкомъ по Руси и собирать добротныя пожертвованія на церковь своей деревни или своего села. И въ честныя, добросовѣтныя сборщики такихъ подаяній православныхъ на церковь Божию, на храмъ такому-то угодику его поступаютъ преимущественно мѣстные одинокіе прохожане, уже издавна радѣющіе о храмѣ, при-

служивающіе въ немъ изъ усердія, примыкающіе къ причту въ большіе праздники для разной ему подмоги. Такіе прошаки чест-

ною сдачею собранныхъ пожертвованій соорудили на Руси не одну церковь, не одинъ храмъ изъ деревяннаго обратили въ каменный, не одну каменную увеличили колокольнею, украсили Божиимъ благолѣіемъ внутри, обновленіемъ такого собора снаружи. И, по словамъ Некрасова,

Такъ изъ ленты трудовой
Вырастаютъ храмы Божіе
По лицу земли родной.

С. А. Максимовъ мастерски очертилъ, въ своей „Бродячей Руси“, типъ честныхъ прошаковъ, посылаемыхъ сельскими священниками съ дозволенія епархіальнаго начальства для сбора на приходскіе храмы и избираемые изъ мѣстныхъ богобоязненныхъ жителей.

Находя повсюду въ селахъ приютъ, ночлегъ, а на ѣду „чѣмъ Богъ послалъ“, прошакъ колеситъ по Руси по всеѣмъ направленіямъ и опытъ указываетъ ему, гдѣ можно собрать болѣе обильную ленту и гдѣ она оказывается до того скудною, что въ другой разъ и не завернетъ въ такую околицу.

Но когда обновленіе церкви, или сооруженіе новой совершилось, когда въ праздники, по окончаніи богослуженія, прихожане, выходя изъ церкви, въ сторонѣ отъ нищихъ и калѣкъ, видятъ смиренно стоящихъ сборщиковъ пода-

Нищій Калужской губерніи. (Фотографія съ натуры).

ній на монастыри и церкви, напоминающихъ имъ путь, какимъ достигнуто благолѣіе ихъ собственнаго храма,—въ бызаломахъ прошакъ, на-

ходящемся среди прихожанъ, возобновляется воспоминаніе о его переходахъ по родной землѣ. Снуютъ въ его памяти воспоминанія о разнообразіи чужихъ мѣсть, о невзгодахъ, перенесенныхъ отъ погоды и злыхъ людей, о приютѣ и ласкѣ, оказанныхъ сердечнымъ и душевнымъ человѣкомъ и невольно увлекаютъ къ желанію вновь идти по свѣту „на нужду церковную“. Было бы желаніе у сборщика подаяній, удовлетворившаго уже подобную „нужду церковную“, а на него уже давно имѣются планы въ епархіи, гдѣ онъ уже прославился честною сдачею пожертвованныхъ приношеній. И отправляется такой прошакъ снова въ путь-дорогу и ходитъ такъ до истомленія своихъ силъ всю жизнь, обновляетъ не одинъ храмъ, содѣйствуетъ сооружеію не одной новой церкви, высящейся своимъ куполомъ надъ селомъ на далекое разстояніе въ окрестности.

И обилуетъ черноземная пдлоса сельскими церквами съ ихъ голубыми и зелеными куполами и монастырями съ явленными и чудотворными иконами, въ нихъ сохраняемыми, и привлекающими толпы богомольцевъ. Многіе изъ нихъ кормятся своимъ паломничествомъ; другіе обогащаютъ храмы и обители своими приношеніями, излишками и достатками отъ богатыхъ, трудовою копѣйкою отъ бѣдныхъ. Но если явленные и чудотворныя иконы двигаютъ съ одного конца Россіи до другого тысячи богомольцевъ, то еще большею благодатью считается, когда подобное Божіе благословеніе приносится или привозится въ домъ какъ богатаго землевладѣльца, такъ и бѣднаго крестьянина. Въ большіе праздники и на Пасхѣ иконы, хотя на короткое время, приносятся въ каждую избу и пока не совершится подобный обносъ ихъ по селенію, до тѣхъ поръ мѣстное населеніе деревни или села не начинается пѣсней, хороводовъ, игръ.

П. С. Усовъ.

